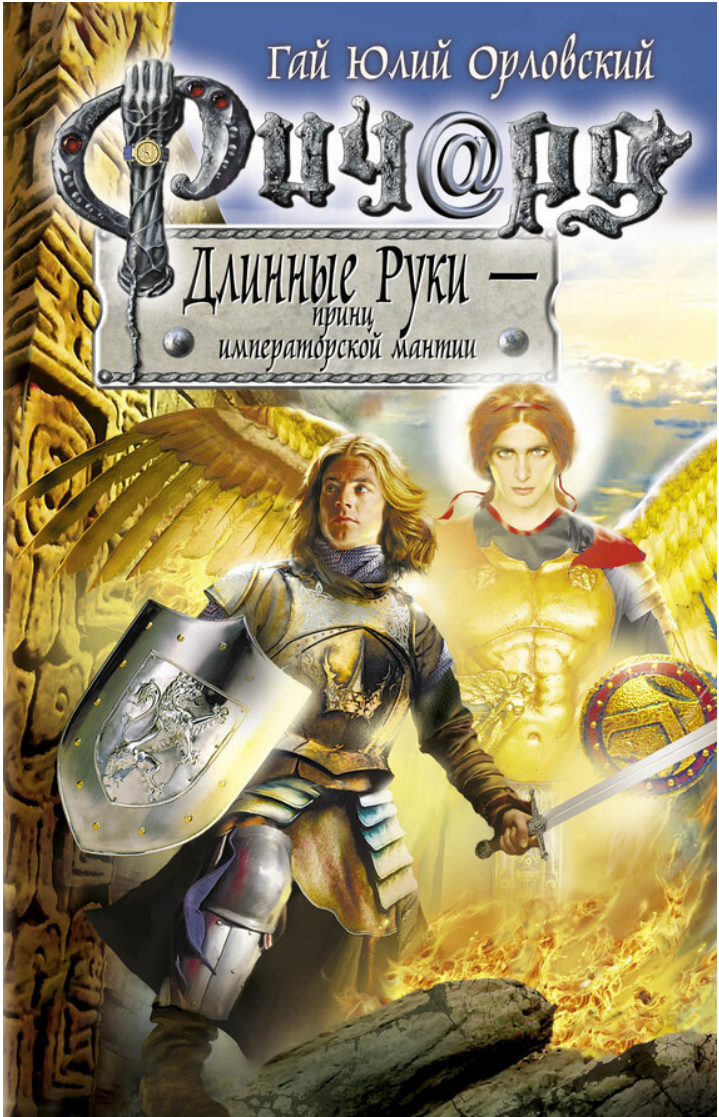

Гай Юлий Орловский
Фичаду
Длинные Руки —
принц
императорской мантии

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – принц императорской мантии

Серия «Ричард Длинные Руки», книга 49

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7060477
Ричард Длинные Руки – принц императорской мантии : фантастический роман / Гай Юлий Орловский: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73700-0

Аннотация

Новый мятеж ангелов, на этот раз небесного легиона и трети темных, свергнутых еще в ту первую страшную битву! Заговорщики создали тайную базу и выстроили неприступную крепость под Шеолом, самым нижним ярусом ада. Сэр Ричард, паладин, отчаянно пытается составить коалицию из верных архангелу Михаилу войск и темных ангелов ада, чтобы совместными усилиями восстановить… нет, установить новый порядок.

В котором диктовать правила будет он.

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 17
Глава 3 30
Глава 4 45
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – принц императорской мантии

© Орловский Г.Ю., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава 1

Бабетта с таким наслаждением смакует мороженое, что моя мужская душа ликует и радуется. Все мы обожаем делать женщину счастливой, а если удается вот такими мелочами, то сами счастливы по самое некуда.

Улыбка моя становилась все шире, но в голове продолжала разрастаться диковатая на первый взгляд мысль. Господь вручил человеку землю и велел править всем этим миром, включая животных, женщин и даже ангелов. Почему я все еще не додумался покомандовать ангелами?

Это же так естественно, напрашивается почти само собой! От того, что Адам не решился, вообще был парень мягкий и безынициативный, даже яблоко не он сорвал, стыд какой, не решались и его дети-внуки, это не значит, что никто из более отдаленных потомков не заикнется о своем законном и неоспариваемом праве.

– Бабетта, – сказал я с подозрением, – ты что-то смотришься как-то весьма… торжественно, что ли.

Она удивилась:

– Заметно?

– Еще как!

Она проговорила с сомнением:

– Либо я теряю осторожность, либо ты становишься опасно проницательным. Боюсь, скорее, второе.

– Ага, – сказал я, – поймалась! Признавайся, зарезать ночью мечтаешь?

– Почему ночью? – спросила она изумленно. – Ночью не так интересно!

Я невольно любовался, как она лопает, мои неотесанные лорды хватали бы эти крохотные пирожные и забрасывали в пасти, как орешки, но Бабетта хоть и не жеманится, но почти незаметно соблюдает манеры. Приятно смотреть на такое превосходное совмещение хороших манер с естественностью желаний.

Она перехватила мой внимательный взгляд.

– Что-то, – произнесла с настороженной улыбкой, – взгляд больно прицельный… Ударить хочешь?

– Хочу, – признался я. – Но пока не буду, хотя я тиран, и мне все можно. Да еще и штатгалтер, надо же!..

– Не язви, – попросила она мягко. – Так что насчет ангелов?

Я ответил как можно спокойнее:

– Да это так, чисто богословский вопрос. Я же паладин, а это накладывает определенные обязанности. Ну там Библию прочесть как-нибудь, в диспуте поучаствовать, ангелов на острие иглы посчитать или оппонентам зубы…

В проеме двери возник сэр Жерар, строгий и чопорный.

В глазах на миг мелькнуло изумление, но раз я спокоен, то и он произнес ровно и бесстрастно:

– Ваше Величество, с прибытием.

– Спасибо, лорд Бредфорд, – сказал я и добавил: – Но вот приказ на будущее: если кто-то без моего разрешения войдет в мой кабинет – стреляйте насмерть. Все вопросы потом.

Он поинтересовался тем же ровным голосом:

– Ваше Величество?

– Во время моего отсутствия, – уточнил я. – Никаких исключений, ясно? Никаких. Можно топором в голову. Но из арбалета быстрее и надежнее.

Он поклонился:

– Будет исполнено в точности, Ваше Величество.

Уходя он бросил на Бабетту короткий взгляд, не предвещавший ей ничего хорошего, кроме быстрой и почти безболезненной смерти.

Бабетта бледно улыбнулась:

– Жестко.

– Что делать, – ответил я с лицемерным сочувствием, – надо.

– В самом деле надо?

– Я король, – напомнил я со вздохом, – у меня всякие государственные и прочие интимные тайны. Кстати, защиту нужно усилить в том аспекте, чтобы убивала еще в самом начале попытки проникновения.

Она зябко передернула плечами:

– Рич, я тебя не узнаю.

– Сам себя узнаю мало, – сообщил я. – Даже когда перед зеркалом. А каким был вислоухим, помню-помню! Но раз уж мой афедрон на троне, то владелец этого охода должен править мудро, милостиво и бесчеловечно в духе истинных либеральных ценностей с двойными, а то и тройными в усложняющемся мире стандартами. Мир ведь усложняется?

– Не знаю, – ответила она неуверенно, – я думала, это мы растем и усложняемся.

– Мир усложняем тоже, – сказал я. – От меня, к примеру, теперь зависит не только благополучие множества людей, но даже их жизни. Потому я должен быть всегда настороже и давать сдачи заранее. Желательно, на временно чужой территории с залежами полезных ископаемых.

Она вздохнула:

– Мы отдаляемся друг от друга?

– Зачем? – спросил я в изумлении. – Можем даже сблизиться еще! Но, конечно, уже на других условиях.

Она спросила жалобно:

– Рич, разве были условия?

– Были, – ответил я. – Были. А теперь поменялись. Например, будешь сперва стучать в дверь и просить разрешения войти. Хотя, конечно, никто тебя не принуждает их принимать.

Она несколько мгновений всматривалась в меня, я видел цепкий взгляд и почти понимал, как бешено работает ее раз-

витый и натренированный мозг, быстро-быстро перебирая варианты, возможности, способы воздействия, лазейки, наконец чарующе улыбнулась и почти пропела нежным голосом:

– Рич… конечно же, я приму все, что ты скажешь! Я женщина, а женщине даже нравится быть послушной сильному мужчине.

– Правда? – спросил я.

– Это у нас в крови! – прощебетала она. – Мы обожаем, когда над нами доминируют, управляют нами, а взамен защищают, оберегают и заботятся.

Я улыбнулся, заново наполнил фужеры шампанским. Молодец Бабетта, выбрала лучший из вариантов. Отказ ничего не даст, а вот показная покорность выявит множество возможностей. Нужно только усыпить мою бдительность, сделать так, чтобы я распушил хвост и затоковал, как тетерев перед тетеркой.

– Ты все умеешь, – продолжала она с восторгом, – создавать как королевства, так и вот такие чудесные сосуды и вина! Ты необыкновенный, Рич.

Я поморщился:

– Бабетта… ты что, проверяешь, насколько я замечаю фальшь? Такую грубую заметит даже сэр Растер. Мне надо льстить тоньше, намного тоньше.

– А поможет? – спросила она.

Я коротко усмехнулся:

– Любую брехню научился замечать с ходу. Если, конечно, сосредоточусь. Потому меня может обмануть крестьянин в поле, но с важными игроками я собран, поверь.

– Ой, спасибо, – сказала она счастливо. – Я, значит, важный?

– Предельно важный, – подтвердил я. – Когда появлюсь во дворце императора, ты меня там встретишь?

Она чарующе улыбнулась:

– Рич… Только если захочешь. Там много таких красивых женщин! Просто невероятно красивых.

– Не понимаю, – ответил я искренне, – чем красивые от некрасивых отличаются в темноте! Вы же все почему-то требуете задуть свечи в спальне.

– Ой, – пискнула она счастливо, – я, значит, нечто больше, чем просто красивая?

– Больше, – подтвердил я. – Потому я и велел стрелять на поражение. Просто красивая не войдет в мой кабинет так, что не заметит ни стража, ни сэр Жерар. Кстати, стражи снабжены амулетами, но, видимо, недостаточно. К счастью, я теперь стал сильнее… и защиту усилю.

Улыбка ее померкла, взгляд стал испытующим, старается понять, насколько стал сильнее, но магией меня прощупать пока еще никому не удавалось, но если судить по косвенным признакам, то да, стал. Уже то, что появился, как и она, не замеченный никем, говорит о моей возросшей мощи.

– Сильный мужчина, – сказала она с одобрением, – это

мечта всех женщин!

– Да, – ответил я с едва уловимой ноткой сарказма, – я же, как все мужчины, только и мечтаю о таком счастье! И больше ничего не надо. Женщины! Больше женщин! Еще, еще… Ох, Бабетта, теряешь квалификацию, что ли?

Она бледно улыбнулась:

– Это твоя растет не по часам, а по минутам. Рич, я сдаюсь!

– Давно бы так, – сказал я. – Давай, ты сделаешь вид, что раскрыла все свои карты, а я – что поверил. И установим взаимопонимание на новом уровне.

Она вздохнула:

– Вот так ты всегда. Все время повышаешь свой и понижаешь мой! Это нечестно.

– Бабетта, – поинтересовался я, – ты кто императору? Дочь, сестра, племянница?

В ее глазах мелькнуло замешательство, но тут же спросила с подчеркнутым изумлением:

– Рич, ну почему?

– Есть причины, – ответил я.

– Назовешь? – поинтересовалась она.

– Долго, – ответил я. – Потом надо будет пояснять, почему так решил. Потом еще что-то… Так как?

Она улыбнулась просто чарующе, почти пропела сладеньким голоском:

– Ах, Рич… У женщины должны оставаться какие-то тай-

ны! Иначе станем вам, мужчинам, совсем неинтересны.

– С такой фигурой? – изумился я. – Не смеши. В общем, ответ утвердительный.

– Утвердительный в смысле, – уточнила она, – едешь к императору?

– Да, – подтвердил я. – Не сейчас, правда. А в том смысле, что ты императору близкая родня. Другому бы он не доверил столь важные миссии. И немалую власть. И важные рычаги.

Она вздохнула:

– А простому человеку, благодаря своим талантам выдвинувшемуся из народа?

– Все можно доверить, – согласился я, – но не такую самостоятельность в принятии решений. Ладно, не хочешь признаваться, не признавайся. Но мы оба знаем, что я тебя расколол, отважная ты моя Мата Хари!

– А кто это? – спросила она. – Ладно, догадываюсь… Она красивая?

– Бесподобно, – заверил я. – Могла бы, наверное, даже с тобой потягаться, но, увы, схвачена и казнена. Что печально, но закономерно.

Она посерьезнела, посмотрела с вопросом в глазах, есть ли какой-то намек и на нее, или же это я просто так, хотя этот Ричард ничего не говорит просто так, даже когда вроде бы беспечно ляпает языком, как корова хвостом, совершенно не заботясь о впечатлении.

– Рич, – спросила она тихонько, – что ты задумал? Я ни-

когда тебя не видела таким серьезным!

– Спасаю мир, – ответил я.

Она кивнула, даже не улыбнувшись:

– Это я знаю. Но сейчас что-то иное.

– Милая моя шпионка, – сказал я и отечески поцеловал ее в лоб. – Кое-что я держу, как ты уже поняла, даже от своих лучших друзей в тайне. Так что извини. Узнаешь, когда все получится.

– Или не получится, – проронила она.

– Тоже может быть, – согласился я. – Утешает то, что я об этом уже не узнаю. Фужер вина на дорожку?

Она поняла меня правильно, улыбнулась, легко соскочила с моих колен.

– Хорошо бы, но тороплюсь, дорогой. Рассчитываю во дворце императора выпить с тобой по большой чашке твоего странного напитка. Или не возжелаешь меня признавать?

– Тебя да не возжелаешь? – спросил я.

Она улыбнулась и легко выскользнула из кабинета, но мне почудилось, что уже на пороге истончилась, превращаясь в некий дымок, так что в коридоре могли вообще не увидеть такую гостью их сюзерена.

Я вскочил, не в силах сидеть, прошелся по кабинету от стены до стены. В ситуации с ангелами чувствую себя замарашкой-подмастерьем деревенского кузнеца в самом захудалом селе на краю мира, когда вдруг узнает, что он, оказывается, единственный законный наследник на трон королев-

ства. В таких случаях трусливый дурак обычно долго отказывается, его уговаривают, тащат и пинают заинтересованные лица, всячески помогают ему вернуть трон, а себе высокие места возле трона.

Но у меня нет таких заинтересованных, как раз все против. Правые и левые заинтересованы… да что там заинтересованы, страстно жаждут, чтобы я и не вспомнил о своем великом наследстве.

Но я вот вспомнил, пусть даже через тысячи лет. Хотя да, нужно было созреть. Даже обнаглеть в какой-то мере. К тому же оказаться прижатым рогатиной к стене, когда хватаешься за все, что может помочь хоть в какой-то степени.

Но за это время и ангелы, даже те, которые тогда поклонились, постепенно привыкли, что человек и не пытается воспользоваться своим несомненным и неотъемлемым правом распоряжаться не только коровами и овцами, но ими тоже.

Шли годы, века, тысячелетия, человек ни разу – ни разу! – не воспользовался своим правом. И ангелы приняли это как должное. Дескать, хотя Творец и дал человеку это право, но сам человек прекрасно понимает, насколько мал и ничтожен, потому даже и не заикается о своих правах на престол.

Сердце колотится часто и тревожно. Я продолжал уже не ходить, а метаться взад-вперед по комнате, натыкался на стены и снова горячечно повторял доводы, стараясь укрепить свою решимость и прибавить себе отваги и дерзости.

На пороге, услышав мои частые шаги, возник сэр Жерар,

лицо слегка обеспокоенное, замер в ожидании.

Я отмахнулся.

– Да это я так, разминаюсь… Засиделся за столом. Где граф Гуммельсберг?

Он ответил с легким поклоном:

– Ваше Величество, они с сэром Норбертом изволили.

– Что?

– Отбыть изволили, – сообщил он с некоторой неохотой.

– Эх, – сказал я с досадой. – Без моего повеления? Как посмели?

– Потому и посмели, – сообщил он с пониманием, – что вы бы не разрешили.

– Жаль, – сказал я. – Хотелось бы повидаться, я же ненадолго.

– Повидаетесь, – ответил он невозмутимо. – Они посмотрели на небо и решили вас не дожидаться. Сказали, увидятся с вами в долине Отца Миелиса. С ними отбыл последний отряд рыцарей из Сен-Мари. Говорят, даже король Кейдан хотел отправиться со своими людьми, но ему запретил Совет Лордов.

– Он же просто король, – заметил я с некоторым самодовольством. – Ему запретить еще как могут!

– Не монарх, – согласился он с едва заметным одобрением, чтобы не выглядело похожим на лесть. – Королей выбирают сами лорды, но монархом может стать только великий король, Ваше Величество.

– Сделать себя, – поправил я. – На этот раз в монархи я возвел себя сам. Здорово?

Он поклонился:

– Поздравляю, Ваше Величество.

Я кивнул, он молча удалился, а я вышел на балкон и сразу ощутил навалившуюся на плечи тяжесть. Трудно поднять голову, чудовищный диск, вырастающий в размерах с каждым днем, виден в подробностях, можно бы рассмотреть надстройки, будь они там, но пока только некие пятна, как и на луне.

И все-таки народ занят своими делами. Панике поддались немногие, большинство же твердо знают – все в руке Господа, никто не избегнет предназначенной ему участи. Разве что храмы переполнены с утра до вечера, так что церковь, как ни крути, еще долго будет необходимейшей из организаций.

Едва с тяжелым вздохом вернулся в кабинет, сэр Жерар вошел подчеркнуто деловитый, сказал с порога:

– Ваше Величество, там мастер Краниус. Вы велели докладывать…

Я пытался вспомнить, кто такой мастер Краниус, но точно не знаю, однако если велел, то наверняка важное, махнул рукой.

– Пропусти.

Глава 2

В кабинет вошел средних лет мужчина, франтоватый настолько, что художник или скульптор, хотя и те могут быть мастерами, хотя вообще-то нельзя быть дельным человеком и думать о красе ногтей.

Он поклонился и замер в почтительной позе.

– Мастер Краниус, – сказал я, – что-то не припоминаю.

Он ответил учтиво:

– Ваше Величество, меня вы еще не видели, но глава нашей гильдии Гербертус…

– Ах да, – сказал я, – паровоз! Ну да, как же, это очень важно. Что с ним?

– Закончили, – доложил он с восторгом и посмотрел так, словно я сейчас сделаю его герцогом и подарю замок. – Первый, собранный полностью в нашей мастерской, уже поставили на рельсы! Пробуем.

– И как?

– Носится, – отрапортовал он с еще большим восторгом, – а как таскает, как таскает телеги! Сколько камней ни нагрузи – тащит!.. Телеги разваливаются, ему хоть бы что. Приступаем к построительству еще двух. И покрупнее.

Я вздохнул с облегчением:

– Прекрасно. Это ничего, что все лучшие мастера королевства над ним работали. Потом смогут справляться и под-

мастерья. И удешевим… Это что, чертежи?

– И рисунки, – уточнил он. – Ваше Величество, вы очень точно сказали, что лучшие мастера…

Я развернул лист, и дыхание оборвалось в груди, словно я свинья, которой всадили длинный нож под сердце. Это не эскиз и не набросок, а настоящее произведение искусства: первый собранный руками умельцев Сен-Мари паровоз, пока еще слабосильный щенок, таким и останется, но проложит дорогу другим.

Но смотрел я с быстро нарастающей яростью. Ну что за дурь, я же нарисовал ясно и четко, каким должен быть паровоз! Почему эти тупые идиоты сочли, что такое просто не будет работать, если паровой котел, который и составляет основную массу паровоза, не украсить массивными барельефами в металле? Это же сколько труда и сил зря потратили! Теперь это вот чудовище со злобно оскаленной мордой будет мчаться по рельсам, пугая народ?

– Сэр Жерар, – крикнул я. – Сюда немедленно! Можете на время оставить манеры, все равно сейчас буду орать и брызгать слюной.

Сэр Жерар появился рядом, словно тоже умеет передвигаться, как Бабетта, всмотрелся в яркую картину.

– Ого, – сказал он, – для военных целей как раз уместно.

Я сказал злобно:

– Согласен, нет на свете изобретения, что не присобачивалось сперва для войны. Но это сие планировалось для пе-

ревозки пассажиров, пусть даже сперва армейских пассажиров! Потому, сэр Жерар, разработайте, потом принесете мне на подпись указ, что в подобных случаях отступление от моих прямых указаний – государственная измена! Караемая четвертованием.

Жерар с невозмутимым лицом покосился на враз побледневшего заместителя строительства паровоза.

– А не разбегутся? Они все в душе художники. Смотрите, даже на колесах искусный и затейливый барельеф! Какие фигурки…

– Помеха трению, – огрызнулся я, но по их лицам видел, что сказанул непонятное, – и вообще это бунт, понимаете? Мои повеления нужно выполнять, а не пытаться улучшить по своему скудному разумению. Вот так и гибнут империи! Пока указ доберется до самых до окраин, от южных гор до северных морей…

Краниус пролепетал:

– Ваше Величество, но вы же не художник! Мы делали, как лучше! Чтоб вам понравилось!.. Так надеялись на высочайшее одобрение…

Я прорычал:

– Идите!.. Вот будете делать свой собственный, тогда художествуйте! А на государственной службе и на государственные деньги неча удовлетворять свои запросы эстета!.. Брысь!

Он исчез, сэр Жерар покачал головой, явно на стороне ху-

дожника, но смолчал, он тоже на государственной службе, сказал после паузы:

– Там в коридоре ждет сэр Угобергшир.

Я порылся в памяти:

– И этого не знаю. Он кто?

– Один из капитанов.

– Зовите!

В кабинет вошел крепкого сложения мужчина с красным обветренным лицом, просоленный настолько, что я даже ощутил аромат моря, поклонился и, быстро вскинув голову, посмотрел прямым взглядом.

– Сэр Угобергшир, – сказал я.

– Ваше Величество!

– Сэр Угобергшир, – сказал я. – Освежите мою память. Я думал, она мне еще не изменяет. А оказывается, такая же стерва, как и все они…

Он улыбнулся:

– Ваше Величество, вы меня не знаете. Я с детства плаваю по морю, но, конечно, только вдоль берега… На побережье есть местечко с высокими скалами, полностью заросшими диким виноградом. Между ними извилистый проход…

– А там в глубине укромная бухточка? – спросил я.

Он улыбнулся шире:

– Вы сразу все схватываете, Ваше Величество. Проход совершенно незаметен, потому его и не обнаруживали пираты. Там у нас помещается два-три кораблика. На них мы и ка-

ботажничаем вдоль берега. Есть у нас капитан Кракенгард, даже на Южный материк ходил!.. Как-то ему удается пробираться целым, хоть и кораблик мал, и плывет вроде бы наугад, если не врет… Но я напросился к вам по важному вопросу, Ваше Величество!

– Слушаю, – сказал я в нетерпении.

– Раз уж удалось отогнать пиратов, – сказал он, – и начато строительство больших кораблей, то надо бы строить и мелкие? Для плавания вдоль берега?.. Так перевозить дешевле. Особенно в Вестготию и другие королевства, где с дорогами совсем плохо.

Я подумал, позвал быстро:

– Сэр Жерар! Вы у меня сейчас весь кабинет министров в одном лице. Займитесь этим товарищем. Нам малотоннажное судоходство необходимо просто крайне. Создайте условия. К сожалению, сейчас отбываю по таким пустякам, как спасение человечества, хотя после оремброантеного паровоза уже не уверен, что его нужно спасать.

Сэр Жерар сказал озадаченно:

– Но у вас есть это, кабинет… Совет Лордов!

Я отмахнулся:

– Это потом, сейчас все ускорилось, сэр Жерар. Действуйте, а я исчезаю.

Сэр Жерар кивнул капитану:

– Идите за мной. Уточним, что вам нужно, и подумаем, что можем. Ваше Величество, к вам жаждет попасть на при-

ем барон Эйц…

Я махнул рукой:

– Без вопросов.

Барон Эйц, начальник стражи, всегда старался держаться в стороне, словно панически боится обвинений сослуживцев в желании продвинуться за счет близости к маркграфу, постепенно поднявшемуся до короля, сейчас вошел и застыл у порога по стойке смирно.

Я спросил быстро:

– Сэр Торрекс, не тяните. Знаю, вы такой человек, по пустякам вас сюда на цепи не затащить, а уж по своей воле так вообще.

Он вздохнул, развел руками:

– Да, Ваше Величество, дело крайне серьезное и важное. Вы помните нашего юного графа Эдгара? Он был оставлен вами зачищать опасные места в Турнедо, но здесь умер отец, и его вызвали принять в наследство замок и земли. Я хотел привлечь его к охране вашего дворца, но не успел, юный граф очень долго принимал наследство по описи, за это время увлекся рисованием…

– Давайте короче, – сказал я в нетерпении, – хотя, конечно, художественные наклонности развивать весьма хорошо и патриотично.

Он взглянул исподлобья:

– Правда? А я ему пенял за нерыцарские занятия. В общем, он нарисовал как-то портрет женщины, какую бы меч-

тал встретить, повесил ее в своей спальне.

– Женщину? Молодец, не ожидал от графа.

– Нет, только портрет повесил.

– А-а, давайте еще короче, барон!

– В общем, – сказал он со вздохом, – она возьми и явись к нему ночью. Та, с портрета. Он ошалел… В общем, начала являться к нему, но только по ночам, а перед утром всегда уходила. Однажды он подсмотрел тайком, как она удаляется через лесок к ручью, ложится в воду и сама превращается в воду.

Я поморщился:

– Только этого и не хватало!

– Как-то, – продолжил он, ускоряя речь, – рассказал мне в слезах, она легла на краю ручья на поваленном дереве и, опустив руку, коснулась воды кончиками пальцев. Он не поверил глазам, но вода побежала снизу вверх! Облекла руку, поднялась к плечу, начала охватывать все тело, какой ужас! Зато рука сама стала журчащей струйкой воды. Понятно, стекла в ручей, а за ней ушло следом все то, что было ее телом.

– И что? – спросил я, чувствуя необходимость вывести его на балкон и указать на небо с грозно нависшим Маркусом. – Пришла на ночь, ушла утром. Идеальная жена! Каждый бы мечтал о такой.

– Увы, – ответил он со вздохом. – Сосед графа Эдгара, барон Тердер, решил в целях орошения построить дамбу. Взял

и перегородил ручей выше по течению. Понятно, граф Эдгар в страхе потерять такую возлюбленную немедленно собрал дружину и пошел войной на барона, однако потерпел поражение. Взбешенный барон Тердер в ответ осадил замок влюбленного графа, требуя сдачи или хотя бы компенсации, что покрыла бы нанесенное оскорбление.

Он умолк, ожидая моего решения, а я стиснул челюсти и на мгновение прикрыл глаза, чувствуя тоску и неясную злость. Мир рушится, все повисло на волоске, а они мучаются и страдают из-за неразделенной любви. Куда мир катится?

– Барон, – ответил я, – это ваш человек, вы и решайте. Если все погибнет, графу зачтется его неразделенная любовь, потому что настоящая любовь – это неразделенная. Остальные – подделки. Все, барон, идите!

Как только он исчез за дверью, я подошел к стене, коротко зыркнул в сторону комнаты, где прилежно трудится сэр Жерар, набрал в грудь воздуха и, повернув кольцо Хиксаны Дейт, шагнул прямо в прикрытый гобеленом камень.

Защитные заклятия заклятиями, но я вообще убрал здесь дверь, заложив проем гранитными блоками, чтобы никакого прохода, просто стена, сплошная стена.

Чародеи ухитряются призывать именное оружие с помощью магии, я это заклятие тоже усвоил, хотя и не в полной мере, но сейчас все не так просто, далеко не все оружие подчиняется вот так сразу, есть и вообще бесчувственное.

Стена не слишком толстая, однако всегда страшновато

проходить, задерживая дыхание, сквозь камень, потому с облегчением вздохнул, оказавшись в своем потайном арсенале.

Плащ Каина висит на вбитом прямо в стену медном крюке, ничем не примечательный, преображаться может только на плечах владельца. Вряд ли таким был изначально, скорее всего за тысячи лет обрел новые свойства, либо развил и расширил старые. Вещи тоже умеют учиться от хозяев, если те чего-то да стоят, а Каин все-таки создатель современной цивилизации, Адам тут и рядом не стоял, разве что несколько капель крови Сифа присутствуют теперь почти в каждом человеке.

Я с грустью окинул быстрым взглядом множество вещей, которыми так и не воспользовался: волшебная раковина, ею можно призвать корабль-призрак, множество мечей с непонятными пока свойствами – Зеленый, Травяной, Красный, Озерный, куча гемм, из которых можно вырастить целые здания и комплексы…

А те штуки, которые подобрал с погибшей Хиксаны Дейт, я же захватил даже ее платье, не только кольца с обеих рук, но пока пользуюсь одним-единственным, что позволяет проходить сквозь стены.

Прикосновение к плащу Каина погрузило в лютый холод, однако на этот раз только на мгновение. Я перевел дыхание и набросил его на плечи.

Жар Терроса и первозданный холод плаща воспламенили ту мощь, что дремлет в каждом из нас, но обычно так нико-

гда и не просыпается. Я огляделся, сердце стучит сильно и с вызовом, а все тело требует немедленной тяжелой работы.

С глаз словно упала пелена, все предельно четко, ярко, хотя вообще-то не жалуюсь на зрение, даже могу, сфокусировавшись, рассматривать вдали всякие мелкие предметы, хоть это и нелегко.

Плащ Каина на плечи и меч Вельзевула в могучую длань – могу на равных сражаться хоть с самыми могущественными ангелами, хоть с архидемонами ада.

– Вот теперь повоюем, – сказал я шепотом. – Вот теперь…

Такие вещи, ясно и громко сказал внутренний голос, подобны наркотику. Человек, опьяненный могуществом, не замечает, как сжигает себя и как становится уже зверем. Да и могущество свое начинает переоценивать, на чем и попадается.

Горькая улыбка раздвинула губы. Никакой меч и никакие волшебные доспехи не помогут выстроить идеальное королевство.

– Но пока подеремся, – ответил я и, задержав дыхание, ломанулся обратно через стену в кабинет.

На этот раз прошел, как через плотный туман, сам не поверил такой легкости.

Сэр Жерар вошел в кабинет, не дожидаясь зова. Окинул меня внимательным взглядом, но плащ Каина принял такой парадный вид, что император счел бы за честь набросить его на плечи, а что из ножен торчит рукоять меча Вельзевула,

поймет только тот, кто видел меч властелина Ада.

– Ваше Величество…

– Отбываю, – ответил я тепло, – увидимся после великой битвы с Маркусом.

– Ваше Величество?

– Удержите, – велел я, – государственный корабль на плаву, дорогой друг! Это ваша задача. Трудная, знаю. А завалы разгребем, когда вернусь.

Он покачал головой:

– Это нечестно, Ваше Величество. В бою я должен быть с вами.

Я улыбнулся:

– А вдруг обойдемся без драки? Вдруг просто недоразумение? Я же по натуре миротворец! Ненавижу войной получать то, что могу взять без всякого мордобития!

– Ваше Величество, – ответил он невесело, – а кто бы отказался? Разве что совсем уж… Мне отвернуться?

– Вы мой государственный секретарь, – ответил я. – Самый доверенный в кабинете. Вы знаете то, что не следует знать другим. Но даже вам не покажу всего.

Он проговорил осторожно:

– Но сейчас вы облачаетесь для опасной битвы… еще не с Маркусом?

– Сэр Жерар, – ответил я со вздохом, – под кем лед трещит, а под нами ломится. Сперва нужно подавить мятеж восставших… три ха-ха!.. ангелов в аду. Там светлые и темные

вместе. А давить будем тоже с темными и светлыми, но нас больше, так что если не шапками, то трупами закидаем, ангелов не жалко.

Он отшатнулся, шокированный:

– Ваше Величество?

– Мы слишком доверились посредникам, – пояснил я горько. – Церковь – это посредник между нами и Творцом. Она в общем-то толкует его слова и законы правильно, однако в своем понимании, потому с течением времени все больше и больше уходит в сторону от тех слов и законов, что вписаны в этот мир.

– Ваше Величество?

– Мы обязаны сами читать священные книги, – пояснил я. – Нельзя все передоверять священникам. Лютер был прав, ох как прав!.. Ведь там записано, что Господь создал мир, отдал его человеку, объявив его наследником, и заставил ангелов поклониться! А это значит, ангелы должны повиноваться нам, сэр Жерар.

– Ваше Величество!

Я с укором посмотрел на его испуганное и шокированное лицо.

– Вот-вот, они ж такие могущественные, исполненные величия, сверкающие! Как такие могут повиноваться жалкому человеку? Мы сами себя умаляем. Хуже того, сами ангелы в конце концов, не получая от человека указаний, поверили, что они выше. Я говорю не о мятежных, те отказались сразу,

а о тех, кто сверг Люцифера с небес.

Он смотрел с ужасом.

– Ваше Величество… на этот раз вас ждет жестокое и немедленное поражение. Ангелов нельзя себе подчинить!

– Почему? – спросил я. – Ладно, я не смогу, но если сошлюсь на повеление Всевышнего?

Он ответил со вздохом:

– Всевышний создал настолько совершенный мир, что все в нем должно идти без Его вмешательства. Если вынужден будет проявить в чем-то себя, то это же должен как бы признаться, что не сумел что-то сделать правильно?

– Рассуждаете верно, – признал я с тревогой, – но все же я надеюсь. Во всяком случае, выиграю неизмеримо много…

– …если повезет, – договорил он.

– Да, – согласился я, – элемент удачи тоже нельзя сбрасывать со счета. Но, мне кажется, Господь творил мир, пренебрегая простой логикой. Иначе сейчас бы в нем царствовал Сатана.

Он поклонился, молча вернулся в свою комнату. Я выждал, слушая, как он усаживается в скрипнувшее кресло, мои руки чуть дрогнули, когда пальцы коснулись черной короны, но задержал дыхание и начал как можно отчетливее представлять долину отца Миелиса.

Глава 3

Зеленый холм все так же окружен тройным рядом копейщиков, за ними готовые к стрельбе лучники, а на вершине страшно блещет в немыслимой и жуткой красоте снежно-белая башня, нечеловечески прекрасная, похожая по форме не то на початок кукурузы, не то на сахарную голову.

Дизайн ушел слишком далеко от нынешних представлений о красоте, даже мне чаще всего кажется зловеще уродливой и лишь иногда странно и настолько недостижимо прекрасной, что начинает болезненно ныть в груди.

За моей спиной стены Штайнфурта, я повернулся к нему и через несколько минут уже входил в главный городской собор. В залах торжественная тишина, из высоко расположенных окон на пол падают широкие косые лучи света.

Отец Дитрих отечески раздает пастырские наставления молодым священникам. Я скромно постоял в сторонке, наконец он отпустил их и повернулся ко мне.

Я поцеловал ему руку, почтительно усадил на скамью и, дождавшись позволения, сел рядом.

– Глаголь, сын мой, – разрешил он.

– Отец Дитрих, – сказал я, – похоже, Господь в самом деле ценит и любит нас, если возлагает на плечи одну задачу за другой, и каждая тяжелее предыдущей.

Он взглянул с беспокойством:

– Что-то еще?

– Помните, – сказал я, – как в прошлый раз мне довелось разглагольствовать… нет, просто глаголить о преступной группировке среди ангелов? В которую вовлечены некоторые из правоохранительных структур? То бишь из небесных ангелов, призванных бдить, тащить и не пущать?

Он кивнул:

– Помню.

– Я переговорил с некоторыми из правоохранительных, – сказал я. – Выяснилось, верха не в курсе. Теперь сами негодуют и готовы помочь в ликвидации преступников во время ареста и предполагаемой попытки если не сопротивления, то к бегству.

Он сказал с облегчением:

– Прекрасно! Это облегчает.

– Трудность в том, – сказал я, – что ангелы не могут убивать ангелов. Им дано только повергать, низвергать и низлагать, но ниже ада спихнуть некуда. Потому зримо, что война прежними методами зайдет в тупик!.. Если, конечно, будет вестись традиционными негуманными и малоэффективными способами.

– Продолжай, сын мой.

Я перевел дыхание, заговорил с подъемом, которого не чувствовал, но изображать уже научился:

– Но если ввести в бой абсолютное оружие, исход сражения будет иным.

Его лицо стало строже.

– Абсолютное… Если ты о…

– Вы угадали, – ответил я. – Предполагаю бросить в бой самый страшный резерв: человека!.. Кстати, ангелы ада это уже сделали, освободив содержащихся там преступников и приняв в свое войско за обещание дать им право убивать и грабить священников и насиловать монахинь.

– Кощунство, – произнес он с негодованием.

– Да, – сказал я горячо, – как можно монахинь? Но благодаря такому щедрому и заманчивому обещанию у них теперь миллионы самых закоренелых злодеев, чьи удары для ангелов, облекшихся плотью, уже не будут простой щекоткой!

Он помрачнел, перекрестился.

– Я знал, человеку суждено подниматься до высот, но не думал, что это будет вот так кроваво. Да и не назвал бы это высотой. Но, сын мой, после той битвы за холм с маяком Древних я долго думал насчет сотрудничества с темными ангелами… Возможно, твоя смелая догадка верна: часть из них раскаялись и мучительно ищут способы покаяния.

– Это точно, отец Дитрих!

Он вздохнул, на лицо набежала тень, и после долгого молчания сказал совсем упавшим голосом:

– Я чувствую твою страсть и вижу, куда стремится твой юношеский дух… Однако меня страшит высота, на которую нам предстоит подняться. Я не уверен, что мы уже взрослы настолько, чтобы тягаться с ангелами.

– Не на равных, – сказал я поспешно, – этого я не говорил! Но можем высказывать свои пожелания и аргументировать их весьма весомо.

– Этого достаточно?

– Та часть ангелов, – договорил я, – которых мы убедим, и те, которых переубедим, примут нашу позицию!

Он сказал с сомнением:

– Но спорить с ангелами… Тем более переубедить…

– Отец Дитрих, – сказал я почтительно, – ангелы сильны и могучи, но просты и бесхитростны. Люцифер, сочтя слова Творца глупостью, отказался поклониться человеку, а тот же Михаил, вскипев гневом на такое непослушание, немедленно собрал войско и ударил на мятежников всей мощью! В то время человек, даже не самый умный на свете…

– Продолжай, сын мой.

Я продолжал с усилием:

– Человек же, битый и тертый этой жизнью, сперва бы спросил себя: если Творец настолько гениален и всевидящ, то как он мог так ошибиться?..

Он медленно кивнул:

– Ну, если подумать…

– Вот-вот, – сказал я горячо, – люди постоянно сталкиваются с тем, что мир может быть не совсем таким, каким кажется с первого взгляда. Человек все-таки усомнился бы, что Творец допустил ошибку.

Он сказал благожелательно:

– Продолжай, сын мой.

– Непонятные слова, – рассуждал я, весьма ободренный, – или поступки мудреца могут говорить о том, что это сам человек что-то не понял! Не обязательно же именно мудрец сглупил. Ангелы, увы, существа простые и бесхитростные, как дети. Дети тоже уверены, что правы только они, а все родители – дураки набитые.

Он усмехнулся, но кивнул молча, разрешая продолжать. Я говорил с подъемом:

– Наблюдая, как Всевышний создает мир, ангелы все понимали и радовались творению земной тверди, небесных светил, звездному небу, лесам, горам и рекам, а потом – множеству животных, птиц, рыб… Но когда Всевышний создал человека, самого жалкого среди существ, который не то что со львом, даже рядом с козой проигрывал, то удивились, а когда Он сообщил, что это и есть Его наследник и преемник, все ангелы просто усомнились в Его рассудке.

Он коротко усмехнулся:

– Разве все?

– Думаю, все, – ответил я. – Только такие, как Михаил, остались лояльны Творцу в любом случае, а подобные Люциферу, увы, предпочли отстаивать свою позицию. И все потому, что не поверили в то, что им не все понятно из того, что Творцу ясно, как Его же божий день.

Он тяжело вздохнул:

– Тут ты прав, сын мой. Человек столько встречает в жиз-

ни непонятного и противоречащего его пониманию, что научился с этим жить с надеждой, что когда-то поймет… попозже. Но хорошо изготовься к трудному разговору и собери побольше веских доводов.

– Каждую минуту готовлюсь, – признался я. – Слишком много поставлено на… гм… чашу весов. Но…

Он прервал:

– Я переговорю с иерархами.

– Отец Дитрих?

– С иерархами церкви, – пояснил он несколько отстраненно. – Папа непогрешим, но его непогрешимость народ понимает совсем не так, как есть на самом деле. Я жду тебя через час, сын мой!

Я преклонил колено, поцеловал руку и, медленно поднявшись, в церкви нельзя делать резких движений, отступил и вышел в солнечный день.

Непогрешимость папы, стучала в голове злая мысль, вовсе не значит, что все, сказанное папой, непреложная истина. На самом деле коллегия кардиналов долго и тщательно обсуждает каждое новое положение или даже крохотную поправку к церковным обрядам или воззрениям, вытютюливает каждую буковку, проверяет и перепроверяет, а потом папа зачитывает этот декрет с балкона своего дворца перед собравшейся многотысячной толпой, и с того момента сказанное считается непреложным, чтобы пресечь возможные толкования, сомнения и ереси.

Отец Дитрих намекнул достаточно прозрачно, что до народа доходит только изреченное папой, и всем кажется, что здание церкви монолитно, хотя на самом деле, как понимаю, церковь слишком громадная организация, чтобы в ней все и во всем было абсолютно идеально. Церковь строилась людьми, в основном – честными идеалистами, но она рассыпалась бы вскоре, не подключись к ее строительству люди практичные, хитрые, умелые и зачастую корыстные.

А эти, умелые и корыстные, в постоянной борьбе друг с другом как на личном уровне, так и на уровне группировок, которые я называю организованной преступностью, очень уж мне нравится эта готовая формулировка, люблю пользоваться чужими, пусть думают, что это я такой умный.

В полумиле от замка лорда Робера де Флера из земли торчат камни, остатки древних циклопических сооружений. Во всей долине отца Миелиса, голой и ровной, как поверхность столешницы, если не считать холма со скардером, это единственное место, где можно появиться внезапно, не вызвав моментально испуганно-заинтересованные взгляды.

Я пристально всматривался в слабо мерцающее по краям окошко с серой бесцветной картинкой, словно там ночь, наконец поймал взглядом проплывающие мимо остатки стен, где камни выше моего роста, сказал себе «стоп», набрал в грудь воздуха и произнес молча, но громко и властно, что я изволю появиться там.

Сердце все еще стучало в страхе, никак не привыкнет, од-

нако ступни уперлись именно в то место, которое я еще с той стороны зафиксировал взглядом.

Солнце ослепило глаза, с испуганным криком взметнулись гнездящиеся в руинах птицы. Я проморгался, сказал почти шепотом:

– Азазель… Азазель, ты как?

Несколько мгновений ничего не происходило, затем вдали возник темный смерч, моментально переместился в направлении к руинам.

Я успел подумать, что ангелы всегда являются людям в своем истинном облике: существами из первозданного света, это впечатляло наивных дикарей настолько, что падали ниц и принимали все, что скажут с небес, с трепетом и благодарностью.

Однако существа из света в этом мире всего лишь посланцы воли Создателя, а чтобы реально передвинуть хотя бы песчинку, им приходилось воплощаться в реальные тела. Живая плоть не требуется, достаточно таких стихий, как воздух, огонь, вода, и вот уже ангел в телесном облике способен двигать камни и даже целые скалы, что и позволило перестраивать ужасающий ад для создания собственного комфорта.

Однако это и налагает понятные ограничения. Передвигаться со скоростью мысли уже не получится, а самое главное – такое тело смертно. Правда, сам ангел, высвободившись из него, возвращается в свой мир, откуда со временем снова

сможет, если сумеет преодолеть тот ужас, который охватывает его в момент гибели тела, в котором жил.

Хотя мятежные ангелы, все это время вынашивая планы мести, все-таки сумели отыскать варианты, когда можно лишать жизни и бессмертных. Как мне кажется, и не без оснований, подсказали умельцы, купающиеся в котлах с кипящей смолой.

Я сам опробовал эту возможность, убив бессмертного, после чего, естественно, Вельзевул постарается вооружить таким оружием как можно большее число своих сторонников.

Азазель вышел из распавшегося вихря веселый, загорелый, франтоватый, дружески кивнул.

Я спросил шепотом:

– Ну ты как, что-нибудь узнал?

Он посмотрел несколько странно:

– Что с тобой? Как будто год не виделись!

– Прости, – сказал я виновато, – эти скачки туды-сюды так время сдвигают! Кажется, год прошел.

Он кивнул, лицо стало деловитым:

– Вообще-то в самом деле узнал.

– Ну, не томи!

Он понизил голос:

– Ад место не слишком-то радостное, знаешь? Особенно для ангелов. Но мятежные хоть и пали духом после поражения, но поневоле начали обустраиваться. Сперва там, где оказались. На это ушло времени… несколько столетий. Там

и образовался тот ад, о котором все знают.

Я пробормотал:

– Начинаю догадываться.

– Правильно начинаешь, – заметил он. – Большинство там и обитали, но нашлись такие неспокойные, что постепенно начали по щелям и пещерам пробираться еще глубже, отыскивать намного более ужасающие места с огненными ручьями и реками, фонтанами горячей грязи, грохотом, дымом, гарью…

– Понятно, – сказал я. – Именно там новые заговорщики и свили гнездо? Я имею в виду, построили тренировочные базы?

Он кивнул:

– В самом неприступном месте. По слухам. Но пока еще не знаем, где они. Только примерно.

Он засмотрелся, как в нашу сторону мчатся, стараясь обогнать один другого, Бобик и Зайчик, оба жульничают, пытаясь помешать друг другу, и потому добежали к нам ноздря в ноздрю.

Я принял порцию уверений в любви со стороны Бобика, обнял и погладил по носу арбогастра, это начиная от ушей.

Азазель наблюдал с кривой усмешкой. Я сказал задето:

– А твой конь так может?

Он покачал головой:

– Сам знаешь, что нет. Твоих собаку и коня создавали люди.

– А люди, – сказал я с нежностью, – все делают с любовью. Ну, конечно, если это не касается других людей. Ну там брошенных щенков подбираем, пингвинов готовы от чего-то спасать.

Он смотрел с недоумением, я снова погладил подсовывающего голову Бобика, сказал с натужной бодростью:

– Но ад – хорошо, пусть даже и неприступное место. Зато концентрируются. С одной стороны, опасно, легче накапливаться для выступления, с другой – не нужно вылавливать поодиночке и ломать суставы.

Он отстранился, в глазах появилось недоумение.

– Ломать суставы? Зачем?

– А как узнать, – удивился я, – кто заговорщик, а кто просто погулять вышел? Можно, конечно, срывать ногти, засовывать раскаленный прут в задницу…

Он дернулся.

– Перестань!.. Не знаю, о чем думал Господь, когда создавал такое существо, но я почти понимаю и этих новых мятежников!

– Человек должен быть разносторонним, – сказал я строго, – и развивать все заложенные в него возможности, а не только один гуманизьм, экстремизм или плюрализм!.. Или плюрализм не отсюда? В общем, человек должен быть богатым духовно, не только односторонним иисусиком. Мы должны быть богатыми!.. Потому пойдем с вами, правыми и левыми, дабы сокрушить империалистическую гидру, воз-

желавшую!

Он вздохнул:

– Ничего не понял, но идти придется только ангелам. Хотя, конечно, вам тоже, дорогой темно-светлый паладин, можно. Только в самом хвосте. Или, как вы говорите красиво, в арьергарде.

– А как, – спросил я коварно, – будут убивать ангелов? Если с той стороны начнут почему-то немножко убивать их?..

Он наморщил лоб.

– Думаем, – ответил он с неохотой. – Вельзевул думает, Асмодей, а также вся верхушка ада, не желающая переворота… Понимаешь, мятежники взяли в свою армию преступников, что отбывали наказание в аду. Их миллионы! А что сможет небесный легион?

– Призовем добровольцев, – предложил я. – Азазель, ты не знаешь людей! Они с удовольствием пойдут и в ад, если пообещать свободу грабить и насиловать!.. Но, конечно, объявить громко, что убивать и грабить идем не просто так, а то не пойдут, это же нехорошо, а за веру, честь, свободу и либеральные ценности. Мы должны хорошо выглядеть перед детьми.

– У тебя уже дети?

– Перед молодым поколением, – уточнил я уклончиво. – Должны показывать только хорошее. И в летописи войдем как гуманисты, что принесли даже в ад освобождение от тирании, гнета и неточно понятых политических учений. Так

что, Азазель, не надо неверно применяемой дискриминации!

Он поморщился:

– Если хочешь погубить каких-то людей… что ж, бери с собой. Из ада не выберутся точно. Может быть, какую-то пользу принесут. Пока будут гореть, враг на них засмотрится, тут по нему и ударим.

– Добрый ты, – укорил я. – Но, конечно, нам нужна победа, одна победа, одна на всех, и за ценой не постоим, пусть горят… если для пользы. Но если только для твоего удовольствия, то обойдешься. Нужнее уничтожить очаг поджигателей войны!.. Это главное, если ты не догадываешься. Ты выясняй, где сосредоточены их основные силы, чем вооружены, а я буду координировать это мероприятие с нашими ахах светлыми и до того безгрешными ангелами, что противно, будто классику читаю.

– Что, – спросил он с интересом, – даже так?

– Однако безгрешность, – уточнил я строго и даже чуть было не перекрестился, – наш идеал! К счастью, тьфу-тьфу-тьфу и еще раз тьфу, недостижимый.

– Ну еще бы, – сказал он с таким сарказмом, что трава у его ног пожухла и легла на землю. – Какая уж тогда разносторонность!.. Хорошо, общайся с Михаилом. Мы не враги, так как я в той войне не участвовал, но все равно не люблю его.

– Как и он тебя, – заметил я. – Почему?

– Он принимает только тех, – ответил он, – кто тогда дрался с ним плечо к плечу против общего врага. А ко мне даже

не знает, как относиться…

– Я сперва еще разок пообщаюсь с отцом Дитрихом, – сказал я. – Хочу ему поручить деликатную работу.

– И ему, – уточнил Азазель.

– Да ладно, – возразил я, – кому я что поручаю? Все добровольцы. Либо идут с нами, либо мы их вешаем. У человека всегда должен быть выбор, как сказал Господь.

– А что поручишь твоему церковнику?

– Когда войдем в ад, – сообщил я, – вторгнемся с миротворческой миссией принуждения к миру и демократии, то надо, чтобы за нами перекрыли выход. Нет, мы не штрафбат, просто эти сволочи, новые мятежники, могут обойти нас тайными тропами ада и вырваться на свободу. Здесь у нас свобода, не слыхал? Ну, все относительно… А на свободе да без чистой совести такого натворят! По себе знаю.

– Армия церковников, – сказал он понимающе, – да, в наступлении они полное ничто, но оборону держать смогут.

Я сказал тихо:

– Плюс маги.

Он покрутил головой.

– Всегда поражался, как ухитряешься держать их в одном войске и не дать перерезать друг другу глотки.

– Я им всегда подкидываю общего врага, – сообщил я военную хитрость. – А пока дерутся плечом к плечу, могут пусть не подружиться, но столерантничать и помультикультурничать на благо общего дела построения авторитарной

демократии с моим человеческим лицом. А потом, глядишь, что-то и построим.

В его глазах я увидел багровый огонь приближающегося Маркуса, а когда он заговорил, я уловил почти человеческую симпатию:

– Ты и мысли не допускаешь, что все погибнет… Как это по-человечески!

– Мартин Лютер как-то изрек, – сообщил я, – или изречет, что если ему скажут, что завтра конец света, он сегодня все равно посадит дерево.

Он вздохнул, поднялся.

– Я отбываю.

– На коне? – спросил я. – Все равно забери, а то собаки воют, когда твоего облого зрят.

– Собаки видят больше, – согласился он. – А людям и не обязательно. Люди обожают обманываться.

Глава 4

Он исчез в мгновение ока, меня это все еще поражает, он же во плоти, а это значит, лишен возможности перемещаться, как ангелы. Значит, отыскал некую могучую магию, молодец, вживается в нашу жизнь.

Я поднялся в седло и повернул арбогастра в сторону собора, Бобик громко ахнул, в больших глазах обида, непонимание и вопрос крупными буквами: ну какая там охота? Я так давно гусей не ловил! А какие в соборе гуси?

– Есть там гуси, – заверил я. – Еще какие! Сытые, откормленные… Но ловить их, увы, браконьерство и посягание на власть церкви, так что мы пока не посягатели, секуляризация еще впереди.

Ворота распахнуты, народ выходит, крестясь, но лица просветленные. Что не отнять у церкви, так это умение давать людям утешение и душевный покой, а также настраивать их на благополучный исход любого хорошего дела.

Отец Дитрих медленно переворачивает листы толстой старинной книги, но не Библии, ту узнаю издали. Я приблизился осторожно, страшась помешать его чтению, однако отец Дитрих встрепенулся, поднял голову:

– Сэр Ричард?

– Да, – ответил я, – удалось переговорить тут с… некоторыми, помощь обещана. Без всяких условий.

– Прекрасно.

– Только, боюсь, ее будет недостаточно.

– Что случилось?

– Говоря откровенно, – сказал я, – небесный легион все это время упивался победой и хлебалом щелкал, а мятежники копили злобу и тайком готовились к реваншу. За несколько тысяч лет они наверняка преуспели! Сейчас их тайную базу и тренировочные лагеря всячески ищут как светлые, так и темные.

Он перекрестился, но лицо оставалось тревожным.

– Слава тебе, Господи, хоть что-то делают вместе!

– Не совсем так, – признался я. – Ищут темные, а светлые как бы поддерживают. Хотя мы и говорим, что падшие ангелы не пользуются милостью Господа, но это брехня, мы это знаем.

Он сказал мирно:

– Все на свете пользуется милостью Господа!

– Золотые слова, отец Дитрих! – сказал я с восторгом. – Только одни большей милостью, другие меньшей. Не пользуйся мятежные ангелы милостью вовсе, Господь бы просто стер их из мира! Но Он и там, в аду, дал им полезную работу.

– Гм…

– Полезную для общества, – уточнил я. – Они по его заданию обустроили сложную и богато разветвленную пенитенциарную систему со сложной иерархией, множеством наказаний, чтобы именно за содеянное и ничего лишнего, раз-

личные виды карцеров и в то же время один день в неделю для отдыха… Это чтоб в день Страшного Суда на свободу с чистой совестью! Однако, отец Дитрих, тревожно то, что мятежники знают все о силах небесного легиона и легиона ада, а вот мы о них ничего не знаем.

Он тяжело вздохнул:

– Это понятно, они готовились долго и тщательно. Но пока ты, сын мой, общался с… осведомителями, я договорился в некотором ином роде. Тебя встретят и примут немедля. Дело неотложное, там понимают.

Я переспросил:

– Отец Дитрих, встретят где?

Он со вздохом потер лоб:

– Я не сказал?.. Третью ночь без сна. Встретят в Ватикане. Кардиналы Гальяниницатти и Гольдонини. Я им доверяю. В определенной степени, конечно, введут тебя в курс дела и помогут по мере своих сил. Гальяниницатти, кстати, был простым крестьянином, когда пошел в священники, а теперь один из высших и влиятельнейших кардиналов! Он самый мудрый в конклаве!

– Благодарю, – сказал я ошалело, – но… какая необходимость?

– Ты Дефендер, – напомнил он. – Дефендер Веры. В случае крайней необходимости можешь получить доступ к некоторым вещам в Ватикане, которые хранятся пуще зеницы ока. В подвалах под папским дворцом есть тщательно

охраняемые склады, где хранятся наши священные реликвии.

– Реликвии? – переспросил я. – Тогда почему их не выставить на всеобщее обозрение? Это только прибавило бы церкви мощи и популярности.

Он взглянул косо.

– Сын мой, – произнес несколько сварливо, – церковь не нуждается в еще большей популярности! Но как выставить, к примеру, жезл Моисея, которым пророк распахнул море, открыв проход беглецам?.. Народ тут же начнет требовать, чтобы церковь начала проводить ручьи к их огородам!

– Это бы можно, – пробормотал я, – если бы народ продолжал работать. Но они сразу же сядут на завалинку и будут ждать, что чудеса создадут им счастливую жизнь. Понимаю. Но боюсь поверить, что мне может что-то обломиться!

– Я на это надеюсь, – ответил он уклончиво. – Если мы приняли решение дать бой Маркусу, нужно использовать все средства!

– Еще бы…

– Даже их, – сказал он горько, – может оказаться недостаточно, чтобы сломить мятежников. А уж Маркус… Потому, сын мой, отбывай немедленно.

Я помялся, спросил осторожно:

– Однако… весьма как?

Он зыркнул из-под насупленных бровей.

– Думаю, – ответил приглушенным голосом, – у тебя есть

некоторые средства.

Я посмотрел по сторонам, тоже понизил голос:

– Однако как на это смотрит церковь?

– Церковь против, – ответил он ясным голосом. – Ты сам только что сказал, что если простым людям дать пользоваться чудесами, они перестанут трудиться в поте лица своего, как неспроста завещал Господь. Потому ни чудес, ни древних вещей как бы не существует. А прибегать к ним должно только в случае крайней необходимости. Самой крайней! Да и то так, чтобы простой народ не знал. Нам можно, ему нельзя.

Я вздохнул с облегчением:

– Рад, что церковь это понимает.

– Отцы церкви, – сказал он строго, – мудрецы, а не фанатики. Они знают по опыту, когда нужно проявить строгость, а когда и снисходительность. Человек слаб, и мудрая церковь именно для таких случаев выработала основополагающую формулу: «Чего делать нельзя, того делать нельзя, но если очень-очень хочется, то можно».

– Мудро, – ответил я. – Лучше разрешить, а потом велеть покаяться, чем дать нарушить закон по-серьезному. А то потом, раз уж все равно нарушитель и грешник, вовсе пойдут в разбойники! Хорошо, отец Дитрих. Вы вдохнули в меня, так сказать. Еще не понял, что вдохнули, но я весьма! Одна беда…

– Слушаю.

– Я не могу попасть в места, – признался я, – в которых не бывал… если хочу вот так фуксом.

– У меня талисман из Ватикана, – сообщил он. – Для экстренных случаев. Нет, передать не могу, но помочь… Надеюсь, получится.

– А как обратно? – спросил я. Спохватился, сказал виновато: – Ах да, что это я совсем туплю. Спасибо, отец Дитрих!

– Только насчет ангелов, – предупредил он, – рассказывай там осторожнее. Даже в Ватикане это приемлют не все, хотя взгляды кардиналов и папы гораздо шире, чем у деревенских священников.

– Я исхожу, – объяснил я с осторожностью, – из того, что могущество ангелов осталось таким же великим и неколебимым. Это несомненно, я не оспариваю и даже не оспариваю… Думаю, Ватикан против этого ничего не скажет.

– Разумеется.

– Однако слабый человечек, – уточнил я, – развивался, усложнялся, становился сильнее, хитрее, изворотливее и мудрее.

Он покачал головой:

– Однако ангелы… это ангелы! Про них в Ватикане нужно говорить, уважительно понижая голос.

Я перекрестился и сказал твердо:

– Признаю величие только Господа нашего. Ангелы же – лишь слуги. Даже не близкие, а так… дальние. Лишь гонцы. Я же кланяюсь и признаю только силу, мудрость и величие

Творца нашего.

В его взгляде что-то неуловимо изменилось, я даже не понял, обратил ли внимание, что я избегаю упоминать имя Иисуса, а если обратил, то хорошо бы отложить этот спорный и тяжелый для выяснения вопрос до лучших времен.

Похоже, отец Дитрих так и подумал, вздохнул и сказал устало:

– Да, конечно, мудрость Творца превыше всего. Мы никогда не познаем ее всю до тех пор, пока не окажемся с Ним рядом в Царстве Небесном.

Так Он все и откроет, мелькнула мысль, а как же. Творец создавал человека по своему подобию, а я хрен откроюсь до конца даже перед самыми близкими.

– Спасибо, отец Дитрих, – сказал я. – С вашим благословением приступаю к операции зело бодро и бяше. Спасибо!

Бобик и Зайчик поглядывают настороженно, я слез, обнял их по очереди, потом обоих разом, пошире раскидывая руки, они у меня в самом деле длинные.

– Даже не знаю, – признался им шепотом, – как среагирует святой Ватикан на мою черную корону Темного Мира?.. Как думаете?

Даже арбогастр почти завилял хвостом, уверяя, что меня все и всюду должны принимать всякого, в чем вообще-то я сам абсолютно уверен, но только люди в основном такие темные дураки, что такой простой истины в упор не видят.

– Одна надежда, – шепнул я, – что в Риме не дураки. Тем более в Ватикане. Дураки такое не создадут…

На всякий случай, я же Дефендер, а не вояка, снял с пояса молот и меч Вельзевула и повесил их на седло. Зайчик с Бобиком у меня умницы, никому не позволят их взять. Помешкав минуту, снял и плащ Каина, сунул его в седельную сумку. Все-таки в святое место собрался, лучше не брать с собой эти вещи. Достаточно и того, что Черная корона будет при мне. Кончики пальцев почти привычно коснулись браслета на предплечье, но поспешно отдернул, еще помню, как корежит, да еще и занести может не туда, куда велишь, задержал дыхание и, ощутив на ладони мертвящую тяжесть короны, поспешно поднял ее обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.